

УДК 101.1

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ И СУЩНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ¹

А.А. Линченко

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье обосновывается мысль о том, что в современных условиях одной из наиболее эффективных методологий анализа исторического сознания оказывается деятельностный подход. При этом деятельностный подход можно рассматривать как альтернативную герменевтике, конструктивизму и нарратологии исследовательскую стратегию. Само историческое сознание с точки зрения деятельностного подхода получает не только гносеологическое и аксиологическое определение, но и онтологический, антропологический и праксиологический смысл, выступая формой духовной культуры общества и функцией исторической культуры, внутренним, рефлексивным планом всех форм деятельности человека по освоению и реактуализации исторического опыта и социальной памяти.

Ключевые слова: *историческое сознание, деятельностный подход, историческая культура, исторический опыт, социальная память, коммеморативные практики.*

Проблема исторического сознания занимает особое место в ряду других социально-философских и социально-гуманитарных проблем. Это связано с тем, что речь идет не только об одной из форм осознания общественной реальности, форме общественного сознания. Со времен Гегеля важнейшим атрибутом социального бытия принято считать историчность, под которой понимают не только и не столько изменчивость общества или простую фактичность, сколько способ человеческого бытия, находящегося в постоянном движении. Человек в такой ситуации – это вечнодвижущийся «проект» самого себя, интерпретирующий свое прошлое из настоящего и будущего. Данное понимание общества и человека превращает историческое сознание из категории, обозначающей некую совокупность знаний о прошлом, в универсальную среду, посредством которой разворачивается воспроизводство и конструирование социальных процессов. Возрастание роли исторического сознания как категории социальной философии и философии истории продолжают стимулировать все новые стороны его осмысления. Так, в современной зарубежной научной литературе можно указать на несколько основных подходов: герменевтическую модель Х.-Г. Гадамера, модель исторического сознания

¹ Исследование проводится при поддержке РГНФ, грант № 14-33-01237 (а2): «Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: источники, механизмы, закономерности, перспективы».

Х.-Ю. Панделя, модель исторического сознания Б. фон Борриса, нарративный подход к историческому сознанию в работах Ю. Штрауба и, конечно, теорию типов исторического сознания и исторической культуры Й. Рюзена. Не потеряли своей актуальности исследования исторического сознания в рамках феноменологической герменевтики М. Хайдеггера и экзистенциальной философии К. Ясперса. Заметим, что каждый из данных подходов к историческому сознанию может рассматриваться как отдельное пространство выявления его смыслов и значений, расширяющих наше понимание собственной историчности. И вместе с тем можно ли считать феноменологическую и нарративную методологии, уводящие проблему изучения исторического сознания в гносеологическую и аксиологическую плоскость, окончательным вариантом постановки и решения интересующей нас научной проблемы? Известные трудности возникают и при экзистенциальном и герменевтическом понимании исторического сознания [1, с. 147; 2, с. 119], а также при использовании распространённых среди современных исследователей методов нарративной психологии в понимании исторического сознания. Очевидно, что общество не может быть уподоблено отдельному человеку, вернее, индивидуальное существование людей и общественно-историческое несоизмеримы, а механизмы социального воспроизводства не всегда могут быть теоретически верно описаны и объяснены с помощью психологических понятий.

Самый широкий и универсальный подход к историческому сознанию был определен В. Дильтеем, который утверждал, что в историческом сознании жизнь постигает жизнь. В историческом познании сама жизнь сориентирована на осознание самой себя. Однако, что означает рассматривать «историческое сознание» как категорию, соотносимую с категорией «жизнь»? Очевидно, что речь идет об онтологическом, а вернее, социально-онтологическом подходе к историческому сознанию. Это значит, что историческое сознание должно рассматриваться в соотношении не только с категорией «время», но и с единым континуумом времени–пространства, данных в социальном бытии как всей полноты социальной реальности в её прерывности и непрерывности, стороной и рефлексивным планом которого как раз историческое сознание и является. В данной связи определённый интерес представляют выводы школы сторонников культурно-исторической теории Л.С. Выготского и шире – деятельностного подхода, которые изначально были ориентированы на историчность социального бытия, выявление соотношения социального в индивидуальном, роли языка и коммуникативной деятельности как одного из важнейших атрибутов человеческого существования, необходимость философско-психологического подхода в работах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева к пониманию человека, сущности его сознания, включенного в бытие, окружающий его предметный мир. Все это, на наш взгляд, позволяет рассматривать деятельностный подход как вариант социально-философской методологии, сохраняющий свое значение в современных условиях. Дальней-

шее развитие деятельностного подхода в нашей стране только усилило его социально-философскую направленность в работах В.В. Давыдова и его группы, с одной стороны, а с другой – в работах А.А. и Д.А. Леонтьевых расширило теоретические представления о смысловой стороне личности как продукте деятельности. В частности, в работах В.В. Давыдова и В.А. Лекторского преодолевается односторонний характер детерминации социальных отношений только лишь в процессе трудовой деятельности. Коллективная деятельность подразумевает деятельность взаимную и взаимные действия, что даёт основания рассматривать данные действия участников как коммуникацию. Это существенно сближает деятельностный подход и теорию коммуникативного действия, позволяет найти точки соприкосновения с теорией коммуникации Н. Лумана, социологической концепцией П. Бурдьё. Введение в последние годы в деятельностную теорию понятия «повседневная деятельность» (К.Н. Любутин), ориентация на тезис об онтологическом значении сознания и необходимости антропологически рассматривать психику и деятельность человека в мире (С.Л. Рубинштейн), исследования роли смыслов и значений в процессе деятельности (Д.А. Леонтьев, А.А. Леонтьев) позволяют рассматривать деятельностный подход как философскую методологию, соотносимую с современными разработками в русле герменевтики и социального конструктивизма (Р. Харре).

Напомним, что в самом общем смысле под деятельностью понимается «человеческая форма активности, содержанием которой является целесообразное изменение и преобразование окружающего человека мира» [3, с. 151]. В.С. Швырев предлагал расширить данное понятие не только до изменения внешней действительности, но и до преобразования внутреннего мира человека, раскрытия и реализации его скрытых потенциалов в процессе развития его отношений с внешним миром, включая мир субъективности [4, с. 18]. Важнейший лейтмотив деятельностного подхода – опосредование человека, создаваемой им же материальной и духовной культурой, самоизменение субъекта деятельности в процессе его взаимодействия с объектом.

Мы подходим к пониманию человеческой жизнедеятельности как своеобразной социальной субстанции, развертывание которой осуществляется не в противопоставлении, а в единстве всех противоречивых форм проявления жизнедеятельности [5, с. 177]. Это требует не только известного расширения понимания механизма деятельности как процесса реализации жизненных смыслов субъекта посредством труда, но и включения в этот процесс реализации жизненных смыслов субъекта таких посредников, как коммуникация, различные повседневные практики (быт, досуг). Результатом этого процесса является опредмечивание жизненных смыслов субъекта в системе мирочеловеческих отношений, обозначенных языком философских категорий как система субъект-объект-субъектных отношений. Однако подобное динамическое и, по сути, те-

леологическое понимание деятельности в современных условиях требует известного расширения за счет выявления топологического контекста осуществляемой человеком деятельности. Речь идет о до-предметном фоне повседневной жизни человека, которая еще не стала предметом его сознания, но которая, тем не менее, выступает важным условием осуществления телеологии действия. В современной литературе закрепился особый термин – «фоновые практики», понимаемые как необъективированное знание о практиках. Речь идет о самом условии, контексте субъект-объектных отношений человеческой деятельности, данных как непосредственная повседневная жизнь людей [6]. Взятая во всем многообразии своих материальных и духовных форм в прошлом и настоящем, деятельность предстает как социальное бытие, которое Л.П. Станкевич предлагал отличать от исторического бытия, социальной реальности и исторической реальности: «Очевидно, что в состав социального и исторического бытия входят не только реальные, но и ирреальные явления (фантазии, иллюзии, слухи, наговоры, искаженные факты)... Социальная реальность – это не только то, что было в истории общества, но и то, что существует сейчас в данный момент. Она – социальная реальность – не должна включать в свой состав иллюзорное, ложное, утопическое, а социальное бытие в своем составе может и имеет все происходящее и происходившее в жизни общества, в том числе и иллюзорное содержание... Под историческим бытием мы можем понимать все, что так или иначе существовало в прошлом ушедшей жизни общества (что так или иначе позднее получит отражение в историческом знании и исторической науке как таковой), а историческая реальность есть нечто исторически сущее, часть исторического бытия, которое именно в данный момент, здесь и сейчас, а не в будущем, в котором возможно окажется еще более или менее реальным осознается и признается как именно таковая, а не какая-то другая реальность прошлого... Историческое сознание выступает как постоянно длящийся процесс осмысления, истолкования, интерпретации исторических знаний, с целью адекватного понимания того, что действительно было в историческом бытии и что может быть признано в качестве исторической реальности, в качестве исторически сущего» [7, с. 89–90]. Выявление указанного движения исторического сознания, отражающего как непрерывность и всю полноту социального бытия, так и прерывность и становящийся характер исторического бытия, требует от нас изучения соотношения понятий «деятельность» и «время», раскрытие деятельностной сущности времени и места времени в процессах деятельности, выделения места исторического сознания в системе понятий и категорий, описывающих специфику восприятия временности и прошлого в контексте деятельности.

Говоря о роли деятельности в процессе экспликации модусов времени, достаточно обоснованной представляется позиция К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова, которые на основе анализа меха-

низма целеполагания и понимания предметно-орудийной деятельности как в том числе и хранения и многократного использования орудий труда показали онтологическую роль деятельности в понимании происхождения модусов времени [8, с. 73]. В отношении роли деятельности в формировании различных форм времени, и прежде всего социального времени, укажем на необходимость рассмотрения времени в рамках единого пространства-времени. Время социальное и время в историческом сознании – это всегда событийное время, зависящее от субъекта социальной практики вообще и от конкретных коммеморативных практик в частности. Под коммеморативными практиками в современной литературе понимается «повторяющаяся совокупность действий, обеспечивающих воссоздание образов прошлого, востребованных в актуальном социальном или политическом контексте» [9, с. 65].

Теперь обратимся к выявлению роли времени в понимании деятельности и постараемся показать, как временное входит в деятельность, проявляется в процессе субъект-объект-субъектного преобразования человеком мира и самого себя. Исходным пунктом понимания проблемы деятельности и шире – антропологического понимания общества и истории является диалектика необходимости и свободы. Данная связка категорий, раскрывающих субстанциальное измерение деятельностной сущности человека, развёртывается в виде конкретных форм объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Говоря об объект-объектных отношениях (О-О), укажем, что в данном случае мы имеем в виду понимание человеческой деятельности как разворачивающейся в рамках естественно-исторического процесса. Здесь временность, по сути, представлена в форме чистой длительности, необратимости изменений. В рамках же отдельного человека речь идет о последовательности смены форм состояний человеческой жизнедеятельности, биологическом возрасте человека, как телесной форме восприятия времени.

Второй тип отношений может быть представлен как субъект-объектные отношения (С-О). Как отмечалось в литературе, отношение здесь задается с целью производства объекта для субъекта, в котором преобразование объекта оборачивается деятельностью утилитарно-потребительской и познавательной [10, с. 18]. В данном случае восприятие времени воплощается в виде усвоения, присвоения и воспроизведения исторического опыта и формирования на его основе знаний о прошлом. А.Н. Леонтьев отмечал: «Люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями... и мышление, и знания у людей каждого последующего поколения формируются на основе усвоения ими уже достигнутых успехов познавательной деятельности прежних поколений» [11, с. 7]. Учитывая тот факт, что в современной литературе под историческим опытом понимают «комплекс реальных, относительно

неопрровержимых свойств и закономерностей социального бытия и общественного развития, который фиксируется в виде знаний, выводов, а также навыков и примеров по регулированию социально-политической практики, устойчивости и повторяемости различных аспектов и ситуаций истории» [12, с. 43], а знание о прошлом трактуется как продукт человеческой деятельности, формирующийся в процессе социальных взаимодействий и включающий все виды социально признанных представлений (И.М. Савельева, А.В. Полетаев), можно было бы сказать, что исторический опыт есть, по сути, непосредственное восприятие временности преимущественно с практической стороны деятельности, а знания о прошлом – восприятие временности преимущественно с теоретической стороны. Еще более интересным выглядит поворот проблемы исторического опыта у Ф.Р. Анкерсмита, который, по сути, разводит знание и опыт. Исторический опыт в его понимании – это то, что «всегда со мной» и не поддается теоретической экспликации, но как повседневный фон присутствует при обращении к прошлому и изменениям во времени. В историческом опыте, считает он, человек испытывает радикальную странность (жуткость) прошлого; здесь оно не конструкт рассудка, а реальность, которая обнаруживается в опыте с той её прямоотой, как это свойственно возвышенному. В подобном случае, по Анкерсмицу, вообще трудно сказать, где заканчивается субъект и начинается объект, где наше прошлое «заканчивается» и где «начинаемся» мы сами [13, с. 314].

Третий тип универсальных отношений, протекающий в системе человеческой деятельности, представляют собой субъект-субъектные связи (С-С), возникающие и осуществляющиеся с целью производства субъективных качеств людей. По мысли В.М. Видгофа, данные связи выражаются в форме общественных отношений и коммуникации, отношений между индивидом и родом, обществом и личностью, между нациями, классами, социальными группами. Именно в рамках данных социальных отношений происходит процесс обработки объективных качеств людей, где формируются их социальные потребности, умения и навыки освоения и производства социальных ценностей, формируется культура [10, с. 19]. Вопрос о месте и роли временности в структуре субъект-субъектных отношений связан с тем, что само происхождение идеального внутренне связано с процессом общественно-исторического наследования подрастающими поколениями умений, способностей производить орудия труда, различные вещи, реально-материальное и духовное общение. Таким образом, первым понятием, выступающим в ряду понятий, описывающих восприятие временности в системе субъект-субъектных отношений, оказывается «социальная память». На значение памяти для семиотических систем и ее деятельный характер неоднократно указывал Ю.М. Лотман. Итак, переходя на уровень субъект-субъектных отношений, временное в человеческой деятельности преобразуется из исторического опыта в социальную память. Вернее, соци-

альная память есть механизм языкового преобразования исторического опыта, она преобразует исторический опыт в нарратив, формируя историческую идентичность. Более того, социальная память способствует преобразованию коммуникации в общение, т. е. коммуникация приобретает форму эмоциональной вовлеченности в процесс такого обмена и интенционального переживания опыта прошлого. Временность в этом случае получает форму событийной длительности, время разворачивается как пространство событий, зависимое от способов социокультурной деятельности и личных воспоминаний человека.

Столь широкий охват форм и способов воспроизводства исторического опыта, ориентации современных исследователей на сами практики воспроизводства прошлого способствовал появлению и распространению понятия «историческая культура». В этой связи нельзя еще раз не отметить принципиальное положение культурно-исторической теории Л.С. Выготского о том, что подлинной детерминантой деятельности и сознания человека является исторически развивающаяся культура, воплощенная в знаковых системах (об этом далее), на одном полюсе которой – исторически развивающаяся родовая, т. е. коллективная деятельность людей, а на другом – индивидуальная человеческая деятельность. По мнению Й. Рюзена, историческая культура есть, по сути, историческое сознание, схваченное в действии, представляющее собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, и различные аспекты запоминания, и места памяти и идентичности [14, s. 238]. Историческая культура в его концептуализации включает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [там же, s. 240]. Речь, таким образом, идет обо всем многообразии форм и практик присвоения и освоения прошлого, форм практической, теоретической и коммуникативной деятельности в отношении к прошлому.

Итак, если подойти к определению исторического сознания со стороны сущностных родовых признаков сознания вообще, то можно было бы отметить следующее: во-первых, историческое сознание – это специфическая форма субъективной реальности, идеально отображающая и духовно осваивающая действительность в её темпоральном аспекте. Во-вторых, историческое сознание социально по своей природе, поскольку выступает предметом, результатом, моментом и условием человеческой жизнедеятельности. Для исторического сознания деятельность является субстанциальным свойством, обнаруживающим себя как самовыражение и самоутверждение субъективной реальности, взятой одновременно в разных универсальных аспектах: психическом (как образно-психическое отражение и отношение временного), идеальном (как предметно-образное отображение и выражение особенностей социального бытия в его временном аспекте) и духовном (как вид общественного сознания и форма духовной культуры субъекта). Историческое

сознание оказывается функцией исторической культуры, внутренним, рефлексивным планом всех форм деятельности человека по освоению и реактуализации прошлого. Взгляд на субъект восприятия историчности и временности с точки зрения исторической культуры убедительно показывает, что именно поколение является подлинным субъектом исторического сознания, которое целостно вбирает в себя как автобиографические, семейные, групповые, социальные, так и культурные формы восприятия прошлого в общем диапазоне жизнедеятельности и, конечно, возраста. Диалектика необходимости и свободы, таким образом, разворачивается в темпоральном аспекте как соотношение традиционного и нового, как цепь поколений.

Отдельной стороной исторического сознания оказывается историческое самосознание как осознание бытия самого исторического сознания, взятого в пространстве исторической культуры. В широком смысле процесс самоотражения идеального как субъективной реальности в отечественной литературе обозначается термином «рефлексия». Однако, как известно, различие уровней рефлексии состоит в их осознанности и неосознанности. Осознанная рефлексия протекает в формах сознания, неосознанная – в формах бессознательного (до-сознательного, под-сознательного, предсознательного, надсознательного). И в осознанной, и в неосознанной формах рефлексия всегда основывается на предметной репрезентации. Как полагает В.М. Видгоф, сознательное и бессознательное выступают родственными понятиями, выполняют единые функциональные задачи и отличаются лишь по способу их реализации... бессознательное выступает его [сознания. – А.Л.] моментом, характеризующим все проявления неререфлектируемой психики (гносеологические отношения, психические состояния и другие виды активности) на уровне субъекта (индивида, социальной группы, общества)... поэтому в проблеме категориального соотношения сознательного и бессознательного общественный человек берется как личность, то есть как комплекс потребностей, неявных знаний, интересов, установок, целей и т.п., социальных по содержанию, в отличие от бессознательного психического, где индивид выступает просто носителем психических состояний безотносительно к его содержанию» [10, с. 47–48]. В этом смысле бессознательная рефлексия по поводу прошлого опыта, являясь уровнем (слоем) исторического сознания, также входит в пространство исторической культуры, присутствуя во всех ее формах. Таким образом, историческое сознание разворачивается и как взаимопроникающие друг в друга слои бессознательного, осознанного и самосознания в пределах исторической культуры.

С этих позиций попытаемся дать определение историческому сознанию. Итак, *историческое сознание* есть определённая сторона социального бытия, воспроизводящая его непрерывное движение во времени, способ самоосмысления исторического бытия (онтологический аспект), совокупность различных типов и форм знаний о прошлом, воспроизво-

дящих историческое бытие в виде определенной картины исторической реальности (гносеологический аспект), форма духовной культуры общества и рефлексивный план исторической культуры общества, совокупность оценок и интерпретаций в отношении прошлого, служащих средством обретения идентичности в настоящем и ориентаций на будущее в потоке универсальной историчности человека (аксиологический аспект), предмет, условие, момент и результат преемственности человеческой деятельности, все многообразие форм исторического опыта (праксиологический аспект), передаваемого из поколения в поколение в процессе соотношения традиционного и нового (антропологический аспект).

Таким образом, в современных условиях одной из наиболее эффективных методологий анализа исторического сознания оказывается деятельностный подход. При этом деятельностный подход можно рассматривать как альтернативную герменевтике, конструктивизму и нарратологии исследовательскую стратегию изучения исторического сознания. Само историческое сознание с точки зрения деятельностного подхода получает не только гносеологическое и аксиологическое определение, но и онтологический, антропологический и праксиологический смысл, выступая формой духовной культуры общества и функцией исторической культуры, внутренним, рефлексивным планом всех форм деятельности человека по освоению и реактуализации исторического опыта и социальной памяти.

Список литературы

1. Сидоренко И.Н. Карл Ясперс. Минск: Книжный Дом, 2008. 224 с.
2. Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
3. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.
4. Швырев В.С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990. С. 9–21.
5. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. Ч. 1. 400 с.
6. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
7. Станкевич Л.П. От социального бытия к историческому сознанию // Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе: Человек и охрана окружающей среды: сб. ст. и тез. докл. XI Всеросс. науч. конф. Липецк, 2013. С. 88–90.

8. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: УрГУ, УрО РАН-РФО, 2007. 295 с.
9. Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 144 с.
10. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания: деятельностный подход (опыт философского анализа). Томск, Изд-во Томского ун-та, 1992. 179 с.
11. Леонтьев А.Н. Человек и культура. М.: Мысль, 1961. 114 с.
12. Тихонов В.А. Философско-методологические принципы освоения исторического опыта. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. 224 с.
13. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
14. Rüsen J. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau, 1994. 332 s.

ACTIVITY APPROACH IN UNDERSTANDING THE NATURE AND ESSENCE OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

A.A. Linchenko

The article explains the idea that today one of the most effective methodologies of the analysis of historical consciousness is the activity approach. At the same time the activity approach can be considered as an alternative research strategy to hermeneutics, constructivism and narratology. In terms of the activity approach historical consciousness itself gets not only the epistemological and axiological definition, but also ontological, anthropological and praxeological sense and becomes a form of spiritual culture of society and a function of historical culture, internal reflective plan of all forms of human activity in the development and reactualization of historical experience and social memory.

Key words: *activity approach, historical consciousness, historical culture, historical experience, social memory, commemorative practices.*

Об авторе:

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», РАНХиГС. E-mail:linchenko1@mail.ru

Author information:

LINCENKO Andrew Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: linchenko1@mail.ru